

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.133.1'42+811.133.1'38+81'27
ББК Ш147.11-51+Ш147.11-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Любовь Александровна Ульяницкая

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Россия, ulianitckaia_liubov@mail.ru, SPIN-код: 4365-3577

Дискурсивные стратегии репрезентации западнофламандского языка в современной французской прессе

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена дискурсивной репрезентации западнофламандского языка во французских медиа. Предметом исследования являются способы языковой номинации, аргументации и оценивания, посредством которых французская пресса конструирует образ западнофламандского языка на фоне его официального признания региональным языком Франции в 2021 г. Цель работы — установить доминирующие дискурсивные стратегии репрезентации языка и определить, как они соотносятся с институциональными изменениями в отношении западнофламандского последних лет. Материалом послужил корпус из 61 медиатекста, охватывающий период с 2010 по 2026 год и включающий региональные газеты, общенациональные издания, теле- и радиоканалы, интернет-СМИ и официальные институциональные источники Франции. Методология сочетает критический дискурс-анализ с контекстуальным и лексико-семантическим анализом. Установлено, что медийный образ языка формируется четырьмя дискурсивными стратегиями: возрождения, институциональной легитимации, образовательной передачи и локальной идентичности, которые пронизаны темой трансграничности, при этом дискурс исчезновения практически отсутствует, уступая место менее заметному, но устойчивому дискурсу тревоги. Оптимистичный нарратив, доминирующий в медиа, рискует затушевать реальную демографическую уязвимость носителей. Результаты могут быть использованы в исследованиях языковой политики и медиалингвистики миноритарных языков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, французские СМИ, западнофламандский язык, критический дискурс-анализ, региональные языки, языковая политика, дискурсивные стратегии, дискурсивная репрезентация, средства репрезентации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ульяницкая Любовь Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия, email: ulianitckaia_liubov@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ульяницкая, Л. А. Дискурсивные стратегии репрезентации западнофламандского языка в современной французской прессе / Л. А. Ульяницкая. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 238-246.

Lyubov' A. Ul'yanskaya

Saint Petersburg State Electrotechnical University, Saint Petersburg, Russia, ulianitckaia_liubov@mail.ru, SPIN code: 4365-3577

Discursive Strategies of Representation of West Flemish in Contemporary French Print Media

ABSTRACT. This article examines the discursive representation of the West Flemish language in French print media. The study focuses on the strategies of linguistic nomination, argumentation, and evaluation through which the French print media constructs the image of West Flemish against the background of its recognition as a regional language of France in 2021. The aim of the article is to identify the dominant discursive strategies of representation of the language and to find out how they relate to recent institutional change in the attitude towards West Flemish. The practical research material comprises a corpus of 61 publications covering 2010—2026, including regional dailies, national papers, French and Belgian television and radio, online media, and official institutional sources. The research methodology combines critical discourse analysis with contextual and lexico-semantic analysis. The media image of the language is shown to be shaped by four discursive strategies — revival, institutional legitimation, education, and local identity — cut across by a recurring cross-border theme while the discourse of disappearance is virtually absent, giving way to a less prominent but persistent discourse of concern. The optimistic narrative that dominates the media risks obscuring the real demographic vulnerability of the speakers. The findings may be used in research on language policy and media linguistics of minority languages.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, French media, West Flemish language, critical discourse analysis, regional languages, language policy, discursive strategies, discursive representation, representation means.

AUTHOR'S INFORMATION: Ul'yanskaya Lyubov' Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Saint Petersburg State Electrotechnical University, Saint Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Ul'yanskaya L. A. (2026). Discursive Strategies of Representation of West Flemish in Contemporary French Print Media. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 238-246. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Медиа не только отражают актуальную социолингвистическую ситуацию, но и активно участвуют в ее формировании, влияя на восприятие языковых явлений широкой аудиторией. В контексте глобальной озабоченности судьбой миноритарных и региональных языков (например, 2022–2032 гг. объявлены ЮНЕСКО Международным десятилетием языков коренных народов) медийный дискурс приобретает особое значение: он способен как укреплять престиж автохтонного идиома, создавая вокруг него положительный образ живой культурной традиции, так и маргинализировать его, представляя архаичным реликтом прошлого или инструментом сепаратистских движений. Язык в медиапространстве неизменно оказывается вписан в более широкий исторический, политический и социальный нарратив, что делает анализ его медийных репрезентаций особенно актуальным.

Западнофламандский язык, бытующий на севере Франции, преимущественно в округе Дюнкерк, представляет собой показательный пример языка, чье положение в публичном пространстве менялось на протяжении столетий: от языка повседневного общения основной части населения области до стигматизированного диалекта, а затем до объекта возрождения и культурного наследия. Данная статья посвящена изучению того, каким образом западнофламандский язык представлен в современной французской прессе: какие образы и смыслы выстраиваются вокруг него, какие дискурсивные стратегии используются журналистами при освещении языковой ситуации в Дюнкеркском округе. Подобное исследование позволяет выявить не только характер медийного отношения к конкретному региональному языку, но и более общие механизмы функционирования языковой политики в таком централизованном государстве, как Франция.

МЕТОДОЛОГИЯ

Для анализа репрезентации западнофламандского языка во французской прессе был применен метод критического дискурс-анализа в сочетании с контекстуальным анализом медийных текстов. Это позволило выявить как поверхностные лексико-семантические характеристики, так и глубинные идеологические установки, воспроизводимые в медиа. Теоретической базой исследования послужили труды отечественных ученых в области социолингвистики и теории дискурса (В. Е. Чернявская, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин), а также зарубежных иссле-

дователей, прежде всего Р. Водак. Дополнительно были привлечены работы Л. Ж. Кальве по языковой политике и Д. Кристала о судьбах исчезающих языков, концепции Н. Фэрклафа и Т. ван Дейка, разработавших инструментарий анализа медийных репрезентаций.

Материалом настоящего исследования послужил корпус из 61 публикации (общий объем ~30 000 слов), отобранных методом направленной выборки из французских средств массовой информации, а также официальных институциональных источников. В корпус вошли материалы региональных ежедневных газет («La Voix du Nord», «Nord Littoral»), составляющие его основу, общенациональных изданий («Le Parisien», «L'Express», «20 Minutes», «Le Figaro», «Slate», «Ouest-France»), французских теле- и радиоканалов («France 3 Régions», «France Bleu», «France Info», TF1, RTBF), интернет-СМИ и специализированных порталов («Actu.fr», «Breizh-info.com», «Courrier International», «Enbata.info»), официальных институциональных сайтов («culture.gouv.fr», «senat.fr», «hautsdefrance.fr», «banquedesterritoires.fr»), а также научных и образовательных ресурсов («Mots. Les langages du politique», «Canal Académies», «AEF info», «ecoleng.com»). Хронологически корпус охватывает период с 2010 по 2026 год, что позволяет проследить эволюцию дискурса в ключевой для языка период от десятилетия, предшествовавшего институциональному признанию, до последовавшей за ним рефлексии в прессе. Наиболее интенсивная репрезентация темы приходится на 2021–2023 годы (27 статей), что напрямую связано с принятием закона Молака (апрель 2021 г.) и публикацией циркуляра Министерства национального образования от 14 декабря 2021 г., официально включившего западнофламандский в перечень языков, принимаемых в учет системой образования; заметное присутствие темы в 2018–2019 гг. (8 статей) объясняется выходом первого «Большого словаря западнофламандского языка» и началом обсуждения проекта Общественного бюро (Office public); в 2024–2026 гг. зафиксировано 18 статей, что свидетельствует о сохранении устойчивого интереса прессы со смещением акцента с констатации успехов на более критическую оценку результатов. Оставшиеся публикации приходятся на 2010, 2011, 2015, 2016 и 2020 годы (8 статей) и служат фоном, демонстрирующим эпизодическое присутствие темы в медиа до начала активной институциональной фазы. Отбор материала осуществлялся по ключевым словам: «flamand de France» 'французский фламандский', «flamand occidental» 'западнофла-

мандский', «*langue flamande*» 'фламандский язык', «*patois flamand*» 'фламандский говор' и их вариантам.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

История западнофламандского идиома на территории современной Франции восходит к IV веку нашей эры. Именно тогда германские племена (франки-салии, пришедшие с востока, и германцы Северного моря с побережья) начали заселять плодородную равнину между морем и областью Камбрези. К VII–VIII векам здесь сложилась устойчивая германо-романская языковая граница, проходившая значительно южнее современной — от устья Канш до окрестностей Бетюна и Лилля; впоследствии под влиянием пикардского языка, распространявшегося в городах, эта граница постепенно сдвигалась к северо-востоку [Pekelder 2025]. Термин «фламандцы» (нидерл. *vlaminc*) зафиксирован в письменных источниках около 1100 года и первоначально обозначал просто «жителей Фландрии». На протяжении нескольких столетий эта территория входила в состав различных политических образований: графства Фландрия, Бургундского герцогства, затем Испанских Нидерландов. Присоединение к Франции проходило поэтапно и носило характер военного завоевания, а не добровольного соглашения: по Пиренейскому договору 1659 года Франция получила Гравлин и шателенство Бурбур, в 1662 году был куплен Дюнкерк у английского короля Карла II, а по Ахенскому договору 1668 года к Франции отошли Берг, Кассель и ряд других городов [Coornaert 1970]; однако окончательное закрепление границ произошло лишь после битвы при Пене (1677) и Нимвегенских мирных договоров 1678 года, когда к Франции отошли Байель и другие шателенства. Вслед за этим, указами 1684 года, языком всех судебных учреждений региона стал французский язык, а уже в 1663 году Людовик XIV требовал от местных магистратов использовать французский [Pekelder 2025]. К концу XVII территория, известная как французский Вестхук (букв. западный угол), или Французская Фландрия, оказалась в составе французского королевства, будучи исторически, культурно и лингвистически неразрывно связанной с нидерландоязычной традицией.

Несмотря на постепенное распространение французского языка в административной сфере, сельское население региона использовало западнофламандский диалект нидерландского языка для повседневного общения. В этот период в регионе сосущество-

вали два языковых регистра: стандартный (литературный) средненидерландский, который использовался в официальных документах и религиозной литературе, и разговорная западнофламандская речь, остававшаяся языком быта, рынка, ремесел. Основными занятиями жителей этой удаленной от столицы приморской равнины были рыболовство, сельское хозяйство и мукомольное производство. По сей день в регионе стоят характерные ветряные мельницы, утратившие свое первоначальное предназначение, но сохранившиеся как напоминание об ушедшем укладе жизни: в окрестностях Касселя, Хондскота и Стенверка их насчитываются единицы. В таких «декорациях» западнофламандский идиом сложился как язык преимущественно сельской, простонародной жизни, тогда как горожане крупных центров, Дюнкерка, Сент-Омера, Кале, постепенно переходили на пикардский, а затем и на французский язык [Pekelder 2025].

Крупные города региона (Дюнкерк, Кассель, Азбрук и Байель) формировались на протяжении Средних веков и раннего Нового времени, и в них также повсеместно звучала фламандская речь. Однако интеллектуальная и литературная деятельность (в частности, литературно-драматические общества, риторические камеры (*rederijerskamers*), существовавшие с XV века) велась не на местном разговорном диалекте, а на литературном нидерландском языке, общем для всего нидерландоязычного пространства; в свою очередь, местный западнофламандский идиом во Франции никогда не был стандартизирован и письменной фиксации не имел [Pekelder 2025]. Выдающимся представителем литературной фламандской традиции во Франции был дюнкеркский поэт и драматург Михил де Сван (*Michel de Swaen*) (1654–1707), писавший на литературном нидерландском, чье творчество и поныне ценится во всем нидерландоязычном мире [Musschoot 1972].

Языковая ситуация в регионе начала резко меняться после Великой французской революции. Хотя в первые годы революционеры декларировали уважение к региональным языкам и даже требовали переводов официальных текстов на эти языки (например, депутат Ф.-Ж. Бушет из Берга перевел Декларацию прав человека и гражданина на западнофламандский язык), уже к концу 1790-х годов возобладала политика жесткой языковой унификации под лозунгом «одна нация, одна страна, один язык». Французский язык начал активно вытеснять западнофламандский прежде всего через систему образования, которое становилось исключи-

тельно франкоязычным. Законы об обязательном французском образовании, принятые в конце XIX века (прежде всего законы Жюлья Ферри 1881–1882 годов), фактически исключили региональные языки из публичной сферы. Именно в этот период происходит языковой разрыв с нидерландским стандартом: реформа нидерландского языка, проводившаяся в Нидерландах в начале XIX века, прошла мимо Французской Фландрии, в результате чего местный идиом всё более обособливался от нормированного нидерландского и утверждался как самостоятельная региональная форма речи. В 1853 году академия Лилля официально запретила преподавание западнофламандского в начальных школах [Brunot 1967]. В 1951 году закон Дейксона (loi Deixonne) квалифицировал западнофламандский как «*dialecte allogène*» (букв. *чужеродный диалект*), что фактически приравнивало местных фламандцев к иностранцам на своей земле и усилило стигматизацию диалекта.

Решающим ударом по языковой vitality стали две мировые войны. Из-за принадлежности фламандского к германской группе языков и его структурного сходства с немецким языком носители фламандского подвергались подозрениям в коллаборационизме — сначала в годы Первой мировой войны, а затем и в период нацистской оккупации. Клеймо «германского языка» оказалось роковым для передачи фламандского следующим поколениям. Детям категорически запрещали говорить на нем в школе и наказывали за это; родители сами переставали передавать язык, опасаясь стигмы. Знание французского языка в XX веке стало непременным условием социальной и профессиональной интеграции. Этот период усугубил действие закона Дейксона и сделал передачу языка в семьях почти невозможной.

Однако было бы неверно утверждать, что западнофламандский полностью исчез из региона в послевоенные десятилетия. Часть жителей сохраняла эту традицию, продолжая общаться с соседями и родственниками на родном наречии. Свидетельством живучести языка стало появление в 1978 году в Касселе пиратской радиостанции «Радио Уленшпигель» (Radio Uylenspiegel), вещавшей на западнофламандском. Власти неоднократно пытались закрыть станцию, конфисковывали оборудование, однако энтузиасты всякий раз восстанавливали его своими силами. Ситуация изменилась с приходом к власти президента Ф. Миттерана: с 1982 года региональные языки получили право на радиовещание, и «Радио Уленшпигель» приобрело легальный статус,

со временем преобразовавшись в Radio Uylenspiegel в FM-диапазоне. В 1980-е годы также возникли ассоциации и даже Федералистская фламандская партия, пытавшиеся возродить фламандское культурное и политическое движение во Франции, однако их влияние оставалось довольно ограниченным. С этого момента начался медленный, но устойчивый процесс возрождения западнофламандского в публичном пространстве.

Важной вехой в институциональном признании западнофламандского стала активизация Ассоциации ANVT (Akademie Voor Nuuze Vlaemsche Taele 'Академия нашего фламандского языка'), которая развернула масштабную работу по стандартизации орфографии, изданию словарей и учебных пособий, а также лоббированию преподавания идиома в школах. Принятие 8 апреля 2021 года Национальным собранием Франции закона Молака о защите и продвижении регионального языкового наследия (Loi n° 2021-641 du 21 mai 2021¹) открыло новый этап в судьбе западнофламандского: закон закрепил право на преподавание региональных языков как факультативных дисциплин и обязал государство поддерживать их. Документ ознаменовал символически важный шаг к официальному признанию языков вроде западнофламандского на государственном уровне.

На сегодняшний день западнофламандский в французском Вестхуке находится в двойственном положении. По данным переписи 1999 года, число его активных носителей составляло около 60 000 человек, цифра весьма скромная в сравнении со 156 973 носителями, зафиксированными еще в 1806 году [Coornaert 1970: 87; INSEE 1999²]. Более или менее точно оценить сегодняшнее количество носителей идиома представляется практически невозможным. Официальных статистических данных нет, а во время разговоров с местными жителями автор статьи зафиксировал разброс в оценке количества современных носителей от 1000 до 40 000. Носители языка сосредоточены преимущественно в небольших городах и поселках округа Дюнкерк и относятся к старшему по-

¹ Loi n° 2021-641 du 21 mai 2021 relative à la protection patrimoniale des langues régionales et à leur promotion // Journal officiel de la République française. — 23.05.2021. — N° 119. — URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000043524722> (date of access: 05.07.2026).

² INSEE. Recensement de la population de 1999 : données sociodémographiques, Nord — Pas-de-Calais. — Paris : Institut national de la statistique et des études économiques, 1999. — URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2118516?sommaire=2118522> (date of access: 01.07.2026).

колению; молодежь, за редким исключением, не владеет идиомом как родным. Тем не менее наблюдается устойчивый интерес к языку в символическом и культурном измерении: действуют языковые кружки и ассоциации, издается литература на западно-фламандском, ведется преподавание в рамках отдельных образовательных проектов.

ЗАПАДНОФЛАМАНДСКИЙ В ЗЕРКАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ: ОСНОВНЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

Прежде чем перейти к количественному распределению стратегий, уточним теоретические основания их выделения. Вслед за дискурс-историческим подходом Р. Водак, разработавшей инструментарий анализа стратегий номинации, предикации, аргументации и интенсификации/смягчения оценки [Wodak 2009], под дискурсивной стратегией в настоящей работе понимается устойчивая совокупность языковых средств, систематически используемых для конструирования определенного образа объекта дискурса; именно эта оптика позволила разграничить стратегии возрождения, институциональной легитимации, образовательной передачи и локальной идентичности. Дополняет ее социокогнитивный подход Т. ван Дейка, согласно которому идеологические установки текста реализуются через ментальные модели, связывающие макроуровень социальных институтов с микроуровнем лексических выборов [Van Dijk 2008], и трехуровневая модель Н. Фэрклафа «текст — дискурсивная практика — социальная практика», позволяющая соотносить конкретные формулировки статей с институциональной позицией изданий [Fairclough 1995].

Значимым ориентиром выступает и отечественная традиция теории дискурса. В. Е. Чернявская, обобщая ключевые направления осмысления этого понятия, подчеркивает, что дискурс не сводится к тексту как таковому, а представляет собой сложное коммуникативное событие, объединяющее текст с экстралингвистическими условиями его порождения — социальными, институциональными, идеологическими [Чернявская 2006]. Именно такое понимание оправдывает решение анализировать медиатексты не изолированно, а в неразрывной связи с институциональным контекстом. Типология В. И. Карасика, различающая статусно-ориентированный и личностно ориентированный дискурс [Карасик 2002], помогает объяснить неоднородность корпуса: три из четырех стратегий реализуют институциональный регистр, и только дискурс локальной идентичности воспроизводит личностно ориентиро-

ванную коммуникацию. Повторяемость лексических формулировок от статьи к статье прочитывается в духе концепции прецедентных феноменов Г. Г. Слышкина [Слышкин 2000] как признак складывающегося культурного кода признания языка.

Институционально-правовая логика легитимации регионального языка, в свою очередь, вписывается в модель языковой политики Л.-Ж. Кальве [Calvet 1993, 1999], в то же время почти полное отсутствие в корпусе дискурса исчезновения приобретает особое значение на фоне типологии Д. Кристала, описывающего типичные сценарии освещения умирающих языков [Crystal 2000].

Проведенный анализ позволяет выделить четыре основные дискурсивные стратегии. Количественный анализ их распределения в корпусе из 61 статьи показывает существенную неравномерность: дискурс возрождения и надежды доминирует в 46,3 % статей, дискурс институционального признания и легитимации присутствует в 29,3 %, статей, образовательный дискурс зафиксирован в 17,1 % статей, дискурс локальной идентичности и памяти встречается лишь в 7,3 % статей. Такое распределение свидетельствует о том, что региональная пресса сознательно смещает фокус с проблем на позитивную повестку, благодаря чему образ языка предстает как устойчиво утвердившийся в институциональных сферах. Однако в корпусе присутствуют и критические голоса, указывающие на разрыв между медийным оптимизмом и эмпирической реальностью, что придает дискурсу внутреннюю напряженность.

Наиболее распространенная стратегия — **дискурс возрождения и надежды**, задающая общий оптимистический тон. Заголовки и ключевые фразы транслируют идею возвращения языка в публичное пространство: «*Cette année sera celle de l'Office public du flamand occidental et d'un nouveau dictionnaire*» 'В этом году появится Общественное бюро западнофламандского языка и новый словарь', «*Le flamand occidental revient dans le concert des langues régionales*» 'Западнофламандский возвращается в семью региональных языков', «*L'enseignement du flamand occidental monte en puissance*» 'Преподавание западнофламандского набирает силу', «*Le flamand est reconnu comme langue régionale en France, il pourra y être enseigné*» 'Фламандский признан региональным языком Франции, его можно будет преподавать', «*Le flamand occidental à la conquête du Nord*» 'Западнофламандский завоевывает Север'. Даже там, где упоминаются исторические трудности, они служат контрастным фоном,

оттеняющим нынешний прогресс: заголовок одной из статей прямо резюмирует пройденный путь — «*Dans les Hauts-de-France, retour sur 18 ans de combat pour la reconnaissance du flamand à l'école*» 'В О-де-Франс вспоминают о восемнадцати годах борьбы за признание фламандского в школе'. Этот дискурс активно подкрепляется количественными показателями (число школ, учеников, коммун-подписантов) и перспективными планами (создание *Office public*, расширение преподавания до университетского уровня). Кроме того, журналисты апеллируют к эмоциональному состоянию активистов: сенатор Ж.-П. Декуль описывает признание языка как результат многолетней борьбы: «*C'est une forme de soulagement. On n'a pas faibli pendant 18 ans*» 'Это своего рода облегчение. Мы не сдавались восемнадцать лет'. Отдельную группу составляют статьи, фиксирующие новые символические прорывы: выход нового издания словаря «*Le nouveau Grand dictionnaire du flamand occidental est sorti !*» 'Новый большой словарь западнофламандского опубликован', перевод комикса о Тинтине на фламандский, а главное — открытие курсов в университете Лилля, что подается как историческое событие «*C'est une première!*» 'Это премьера!'. Этот дискурс рисует образ языка, который не просто сохраняется, а уверенно расширяет свое присутствие в образовании, культуре и массовом сознании.

Тесно переплетается с этим дискурсом стратегия **институционального признания и легитимации**, смещая акцент с эмоций на формально-правовую аргументацию. Журналисты тщательно фиксируют каждый шаг бюрократической процедуры: «*le flamand est inscrit dans le Bulletin officiel de l'Éducation nationale en France*» 'фламандский внесен во *Официальный бюллетень Министерства национального образования Франции*', «*La Région a lancé la procédure pour signer la convention constitutive du futur office public*» 'Регион запустил процедуру подписания учредительного соглашения будущего общественного бюро', «*L'Office public de la langue flamande a été créé suite à un vote en commission permanente*» 'Общественное бюро фламандского языка было создано по итогам голосования в постоянной комиссии'. Особое внимание уделяется роли государственных партнеров — региона, министерств, академий. Такой дискурс выполняет двойную функцию: он снимает с языка ярлык «патуа» (*patois* — французский термин для уничижительного описания языка или диалекта, «грубая испорченная речь»), встраивая его в республиканскую нормативную си-

стему, и одновременно демонстрирует читателю, что защита языка — это не маргинальная инициатива, а легитимная государственная политика. Показательны слова вице-президента региона Ф. Декостера: «*il s'agit de la reconnaissance par la République de votre travail*» 'речь идет о признании Республикой вашего труда', подчеркивающие символический капитал официального статуса. Наряду с официальной легитимацией в корпусе присутствует и «народная легитимация»: данные о популярности языка на образовательных платформах, рост числа взрослых, записывающихся на курсы, и добровольная инициатива коммун по установке двуязычных панно — всё это дополняет институциональную картину и создает образ языка, поддерживаемого «снизу». В качестве доказательства эффективности этой политики в статьях приводятся конкретные цифры: за 20 лет число партнеров федерации выросло с 5 до 12, а 51 коммуна округа уже подписала хартию «*Oui au flamand*» 'Да фламандскому'. Эти статистические данные служат аргументом в пользу успешности институционального курса.

Дискурс образовательной и культурной передачи сосредоточен на практических аспектах обучения: методиках, количестве курсов, уровне владения, возрастных группах. Многочисленные статьи описывают конкретные школьные проекты: «*Les élèves de CM1 et CM2 se sont lancés dans l'apprentissage du flamand occidental*» 'Ученики 3-го и 4-го классов начальной школы приступили к изучению западнофламандского'; ассоциация SOS Bloodland сообщает, что уроки идут «*dans 28 communes*» 'в 28 коммунах', а ее представитель уточняет: «*Nous comptons environ 66 élèves adultes cette année*» 'В этом году у нас около 66 взрослых учеников'. Активно пропагандируется идея о том, что изучение регионального языка облегчает освоение других германских языков: одна из преподавательниц объясняет, что «*c'est aussi un tremplin pour d'autres langues*», и поясняет, что «*cela facilite l'apprentissage de l'anglais et de l'allemand*» 'это ещё и трамплин для других языков... это облегчает изучение английского и немецкого'. Этот дискурс дестигматизирует язык, представляя его не как пережиток прошлого, а как полезный инструмент в современном мире, в том числе для трудоустройства в приграничных регионах. В статье, озаглавленной «*Un atout pour trouver du travail*» 'Козырь для поиска работы', этот прагматический аспект прямо увязывается с экономическими выгодами: представитель региона отмечает, что «*le taux de chômage est très bas*» ('уровень безработицы очень низкий') во фламандской части Бель-

гии, что делает знание языка полезным для потенциального трудоустройства в соседнем регионе. Образовательный дискурс выходит за пределы школьной программы. Во-первых, в корпусе фиксируется феномен заграничного обучения: французские родители отдают детей в бельгийские школы для получения иммерсивного образования на нидерландском языке, что становится косвенной критикой недостаточности французской системы. Во-вторых, в качестве образовательных ресурсов упоминаются не только школы, но и радио, приложения для изучения языков, туристические практики (двухязычные экскурсии) и даже кафе, где язык передается устно. Это придает образовательному дискурсу многообразие и выводит его из сугубо формального контекста.

Наименее частотной, но значимой для эмоционального фона выступает стратегия **локальной идентичности**, где язык предстает уже не как объект политики, а как личная память и способ культурной самоидентификации. Она проявляется в опубликованных в прессе интервью с носителями, где язык связывается с детством, семьей, деревней, «тайным кодом» старших поколений. Например, в одной статье интервьюер вспоминает: *«J'entendais constamment cette langue quand j'étais enfant, elle m'intriguait. C'était un peu comme quelque chose d'inaccessible, de réservé aux adultes, un code qu'ils partageaient entre eux et dont on nous tenait à l'écart, nous les enfants»* 'Я постоянно слышал этот язык в детстве, он меня интриговал. Это было немного похоже на что-то недоступное, предназначенное для взрослых, код, которым они делились между собой и от которого нас, детей, держали в стороне'. В другой статье одна из матерей учащихся говорит: *«Le flamand, c'est notre langue, notre terroir, notre histoire. Ce sont mes origines profondes»* 'Фламандский — это наш язык, наша земля, наша история. Это мои глубинные корни'. Эта идентичность выражается и через городскую среду: в статьях описывается установка двуязычных панно на въезде в коммуны, где жители сами проявляют инициативу, а местная топонимика становится зримым символом принадлежности к конкретному языковому, а значит и культурному коду. Пассажи с личными воспоминаниями носителей языка встречаются эпизодически, обычно в качестве эмоциональной окраски к основному нарративу о возрождении. Они не создают меланхолического или экзотического образа, а скорее придают языку субъективную ценность, мотивирующую его сохранение.

В корпусе, наряду с доминирующим оптимистическим нарративом, присутствует

и **дискурс тревоги**. В ряде публикаций звучат скептические оценки эффективности предпринимаемых мер. Например, в одной из статей приводится реплика: *«On ne sauve pas une langue avec trente minutes de cours par semaine»* 'Язык не спасают тридцатью минутами занятий в неделю'. В других материалах ситуация с западнофламандским характеризуется как «состояние клинической смерти», а Министерство образования обвиняется в пассивном ожидании ухода последнего преподавателя на пенсию. Появляется лексика утраты: *«derniers locuteurs»* 'последние носители', *«patrimoine qui se perd»* 'утрачиваемое наследие'. Этот дискурс тревоги выполняет важную функцию — он напоминает о разрыве между институциональными успехами и реальной практикой языка, не позволяя медийной картине стать полностью иллюзорной.

Особого внимания заслуживает трансграничный аспект, который не представляет собой отдельной дискурсивной стратегии, а выступает как сквозная тема, пронизывающая все четыре стратегии. Этот аспект проявляется в нескольких формах. Во-первых, лингвистическая трансграничность: язык во Франции представлен как часть более крупного западнофламандского ареала, охватывающего Бельгию и Нидерланды, что меняет его статус с «маргинального патуа» на «региональный вариант крупного европейского языка». Во-вторых, культурно-медийная трансграничность: бельгийские телесериалы на западнофламандском создают моду на язык, а бельгийские туристы, приезжающие во французскую Фландрию, стимулируют местный интерес к языку.

Количественный анализ лексики корпуса независимо подтверждает описанные качественные тенденции. Частотный анализ (без учета местоимений, артиклей, союзов, предлогов и вспомогательных глагольных форм) показывает, что стигматизирующее обозначение «patois» 'говор' не входит даже в топ-30 самых частотных слов корпуса, при этом лемма «régional» 'региональный' занимает третье место (283 вхождения) — это подтверждает вывод о вытеснении уничижительной терминологии нормативной. Показательно и то, что институциональная лексика «institut» 'институт', «office» 'бюро', «public» 'общественный', «national» 'национальный', «région» 'регион', «éducation» 'образование', «enseignement» 'преподавание', «école» 'школа', «cours» 'занятия' занимает девять из тридцати позиций рейтинга, а лексика бытового, семейного или межличностного плана в топ-30 практически отсутствует, — это количественно подтверждает наблюдение об

институциональном, а не личностном характере доминирующего медийного нарратива. Отдельного внимания заслуживает высокая частотность лексемы «picard» 'пикардский' (101 вхождение), отражающая устойчивую тенденцию среди журналистов рассматривать западнофламандский в постоянном сопоставлении с соседним региональным языком, а не изолированно. Косвенным штрихом к описанному выше дискурсу тревоги можно считать и попадание в топ-30 наречия «encore» 'ещё' (66 вхождений) — оно регулярно сопровождает конструкции вроде «encore parlé» 'ещё используемый', «encore quelques locuteurs» 'ещё несколько носителей', привнося оттенок временности и убывания; само по себе это наблюдение не доказывает наличие отдельной дискурсивной стратегии, но указывает на то, что мотив «пока ещё» присутствует в корпусе на уровне частотной лексики, а не только в отдельных цитатах.

ВОПРОС О СТАТУСЕ: ЯЗЫК ИЛИ ДИАЛЕКТ?

В соседней Бельгии практически аналогичный идиом, распространенный в Западной Фландрии, воспринимается как диалект нидерландского языка. Во Франции же он именуется именно языком — «la langue flamande» 'фламандский язык' или «le flamand de France» 'французский фламандский'. Это терминологическое различие отнюдь не случайно: оно отражает принципиально разные социолингвистические и политические контексты. В бельгийском случае западнофламандский встроен в иерархию нидерландских диалектов и соотносится с нормативным нидерландским как письменным стандартом. Во французском случае такого стандарта нет: связь с нидерландским давно разорвана, что делает его в известной степени самостоятельной языковой единицей в восприятии носителей.

В изученном корпусе медиатекстов вопрос о статусе языка или диалекта оказывается одним из самых политически нагруженных. Лексический выбор становится маркером идеологической позиции. Региональная пресса и издания, поддерживающие языковое возрождение, последовательно используют «langue» 'язык' и «langue régionale» 'региональный язык', апеллируя к закону Молака и официальным циркулярам министерства образования. Показателен заголовок: «*Le flamand est reconnu comme langue régionale en France*» 'Фламандский признан региональным языком Франции' — здесь утверждение статуса подается как свершившийся факт, а сам выбор слова «langue» выполня-

ет перформативную функцию: он не столько описывает реальность, сколько конструирует ее. Показательно и то, что явно уничижительная рамка «исчезающего патуа», которую можно было бы ожидать в скептических материалах общенациональной прессы, в изученном корпусе практически не встречается: даже статьи, ориентированные на широкую французскую аудиторию, говорят о языке в нейтрально-благожелательном ключе, например: «*Langues régionales : longtemps boudés, le flamand et le picard enfin reconnus par l'Éducation nationale*» 'региональные языки: долго обходимые стороной, фламандский и пикардский наконец признаны Министерством образования'. Тем самым борьба за терминологию в медиа — это борьба за легитимность: назвать язык «языком» — значит признать за ним право на существование в публичной сфере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление исторической и современной частей исследования обнаруживает структурную симметрию: и режим языкового подавления XIX–XX вв., и нынешний режим институционального признания устроены по одной и той же логике сверху вниз. Решение о судьбе языка в обоих случаях принимают государственные акторы (законодатели, школьная администрация, а сегодня — региональные власти и журналисты), а не сами носители. Меняется знак (запрет сменяется поддержкой) и меняется действующий субъект (администрация и школа на прессу и ассоциации), но не сама модель: идиом остается объектом чужих решений, а не стороной диалога. Показательно, что и в современном медийном корпусе рядовой носитель редко выступает субъектом повествования: голос закреплен преимущественно за сенаторами, вице-президентами регионов и представителями ассоциаций, при том что сам говорящий на языке человек появляется в текстах эпизодически и почти всегда в функции иллюстрации, а не действующего лица. Отсюда и второй вывод: сопоставление французского и бельгийского случаев показывает несовпадение между юридическим статусом идиома и его действительной жизнеспособностью, то есть более скромный статус диалекта в Бельгии не мешает языку сохранять письменную норму и литературную традицию, тогда как признание «языком» во Франции сосуществует с почти полным обрывом межпоколенческой передачи. Наконец, поскольку пресса по своей природе работает с событиями, а не процессами, есть основания ожидать, что интерес к теме, спровоцированный законом Молака, будет

затухать по мере отдаления от даты его принятия, и тогда самая трудная часть работы, планомерное возвращение языка в повседневную коммуникацию, рискует остаться вне поля зрения тех самых медиа, которые сегодня о нем с энтузиазмом пишут.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2. — EDN UGQAMP.
2. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе : моногр. / Г. Г. Слышкин. — Москва : Академия, 2000. — 128 с. — EDN QSLPHH.
3. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. — Москва : Флинта, 2006. — 136 с. — ISBN 5-89349-987-5. — EDN RWLPMR.
4. Brunot, F. Histoire de la langue française des origines à nos jours. T. IX : La Révolution et l'Empire / F. Brunot. — Paris : Librairie Armand Colin, 1967. — XV, 616 p.
5. Calvet, L.-J. La sociolinguistique / L.-J. Calvet. — Paris : Presses Universitaires de France, 1993. — 128 p. — ISBN 2-13045251-5.
6. Calvet, L.-J. Pour une écologie des langues du monde / L.-J. Calvet. — Paris : Plon, 1999. — 304 p. — ISBN 2-259-18975-X.
7. Coornaert, É. La Flandre française de langue flamande / É. Coornaert. — Paris : Éditions Ouvrières, 1970. — 406 p.
8. Crystal, D. Language Death / D. Crystal. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2000. — X, 198 p. — ISBN 978-0511048388.
9. Dijk, T. A. Van. Discourse and Power / T. A. van Dijk. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2008. — XI, 308 p. — ISBN 978-0230574083.
10. Fairclough, N. Media Discourse / N. Fairclough. — London : Edward Arnold, 1995. — VIII, 214 p. — ISBN 978-0340632222.
11. Musschoot, A. M. Het Judith-thema in de Nederlandse letterkunde / A. M. Musschoot. — Gent : Koninklijke Academie voor Taal- en Letterkunde, 1972. — 275 p.

12. Pekelder, J. Verboden Vlaams te spreken : Het verhaal van een Nederlandse streektaal in Frankrijk / J. Pekelder. — Soesterberg : Uitgeverij Aspekt, 2025. — 224 p. — 978-9088031502.
13. Wodak, R. The Discursive Construction of National Identity / R. Wodak, R. de Cillia, M. Reisigl, K. Liebhart. — Edinburgh : Edinburgh Univ. Pr., 2009. — X, 276 p. — ISBN 978-0748637348.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs = The language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 477 p.
2. Slyshkin, G. G. (2000). Ot teksta k simvoly: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse = From text to symbol: linguo-cultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse. Moscow: Academia, 128 p.
3. Chernyavskaya, V. E. (2006). Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya = Discourse of power and power of discourse: Problems of speech influence. Moscow: Flinta; Nauka, 136 p.
4. Brunot, F. (1967). Histoire de la langue française des origines à nos jours. Vol. IX: La Révolution et l'Empire. Paris: Librairie Armand Colin, XV, 616 p.
5. Calvet, L.-J. (1993). La sociolinguistique. Paris: Presses Universitaires de France, 128 p.
6. Calvet, L.-J. (1999). Pour une écologie des langues du monde. Paris: Plon, 304 p.
7. Coornaert, É. (1970). La Flandre française de langue flamande. Paris: Éditions Ouvrières, 406 p.
8. Crystal, D. (2000). Language death. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., X, 198 p.
9. Fairclough, N. (1995). Media discourse. London: Edward Arnold, VIII, 214 p.
10. Musschoot, A. M. (1972). Het Judith-thema in de Nederlandse letterkunde. Gent: Koninklijke Academie voor Taal- en Letterkunde, 275 p.
11. Pekelder, J. (2025). Verboden Vlaams te spreken: Het verhaal van een Nederlandse streektaal in Frankrijk. Soesterberg: Uitgeverij Aspekt, 224 p.
12. Dijk, T. A. Van (2008). Discourse and power. Basingstoke: Palgrave Macmillan, XI, 308 p.
13. Wodak, R., Cillia, R. de, Reisigl, M., Liebhart, K. (2009). The discursive construction of national identity. Edinburgh: Edinburgh University Press, X, 276 p.